

Миллисент Гэмильтон

Дерзкое обольщение

Меллисент Гэмилтон
Дерзкое обольщение

Гэмилтон М.

Дерзкое обольщение / М. Гэмилтон —

Гордая и независимая красавица Дорис Адамсон, фотомодель и одна из ведущих манекенщиц Австралии, после неудачного брака и публичного скандала, вызванного разводом, больше не желает иметь ничего общего с мужчинами, а тем более даже и не помышляет о новом замужестве. И все же в интересах семьи она скрепя сердце соглашается сделать вид, что готова принять предложение одного из самых красивых и состоятельных мужчин Мельбурна – итальянца Рикардо Феррери. Ах, если бы знала Дорис, что игра в любовь не проходит безнаказанно!

Меллисент Гэмилтон

Дерзкое обольщение

Жаркое и влажное лето Южного полушария опустилось на Мельбурн. Оно окутывало небоскребы делового центра знойной дымкой, изнуряло и вводило в уныние даже самых стойких.

Движение в примыкающих к центру улицах застопорилось, и Дорис, нетерпеливо взглянув на часы, стала ждать, пока передний ряд машин вновь придет в движение.

Чуть изогнув идеальные дуги бровей, она нетерпеливо постукивала лакированными ногтями по рулю и думала о вчерашнем вечернем звонке брата. Фред говорил необычайно серьезно, но как Дорис ни старалась, о цели их сегодняшней встречи он так ничего и не сказал. Странная уклончивость совершенно не в духе Фредерика.

Загорелся зеленый свет, и, переключив скорость, Дорис одним рывком оставила за собой перекресток.

Легкий ветерок встрепал пышную гриву ее пепельных волос, и пришлось заправить за ухо непослушные прядки. Огромные серые глаза молодой женщины были спрятаны за модными солнцезащитными очками, но тонкий овал лица говорил сам за себя, и всю дорогу она ловила на себе восхищенные взгляды не только водителей, но и пешеходов.

Интересно, с легкой усмешкой подумала она, что их притягивает больше: я или машина, в которой сижу? Открытый ярко-красный «феррари» на кого угодно мог произвести впечатление, а тем более когда за его рулем сидит такая красавица. К сожалению, богатство и красота не являются гарантией счастья, и Дорис знала об этом по собственному опыту.

Оставшиеся десять минут пути показались ей десятью часами, и, заворачивая машину к подземной автостоянке высотного здания, на одном из этажей которого размещался офис Фреда, Дорис почувствовала, как у нее камень спадает с плеч. Здесь, по крайней мере, было прохладно. С величайшей предосторожностью она съехала на два уровня вниз и остановила машину в свободном ряду, потом, подхватив сумочку, выбралась из-за руля, да так и застыла у дверцы. Бок о бок с ней припарковался двойник ее машины, но только зеленый спортивный «феррари». Встреча на одной стоянке двух таких дорогих и редких автомобилей казалась вещью удивительной. Ну-ну, сказала про себя Дорис и впиалась глазами в водителя.

Первое, что отметила она, – его высокий рост. Безупречно сшитый летний белый пиджак подчеркивал ширину плеч и хищную грацию движений. Черные, аккуратно подстриженные волосы были гладко зачесаны назад, а по-мужски крупные черты лица лучились грубовато-неотразимым обаянием.

Где-то я видела это лицо, подумала Дорис, но как ни напрягала память, ничего не смогла вспомнить. Нет, скорее всего с кем-то спутала...

Почувствовав, что за ним следят, незнакомец вскинул голову, бесцеремонно пробежал глазами по стройной фигуре Дорис, полюбовался ее мягко-припухлыми губами, и только после этого их взгляды скрестились.

Дорис вскипела. Этот тип рассматривает ее, как какой-нибудь экспонат из витрины секс-шопа, в бешенстве подумала она, и глаза ее от гнева превратились в две серебристые льдинки. Круто развернувшись, она захлопнула дверцу, включила систему сигнализации и быстро прошла к лифтам. Тампона ткнула кнопку вызова и стала ждать, пока одна из трех кабин подойдет и поднимет ее на десятый этаж.

Пауза сделалась вдвойне угнетающей, когда к ней присоединился нахал из «феррари». Он встал чуть поодаль и не сводил с нее откровенно изучающих глаз. С легким шипением раздвинулись дверцы лифта. Дорис грациозно-небрежно зашла в электронную клетку, нажала на цифру на мягко подсвеченном пульте и погрузилась в молчание, каждой своей клеточкой

ощущая присутствие в тесном пространстве кабины постороннего мужчины. Тот не проявлял никаких агрессивных намерений, просто буравил ее черными как смоль глазами, пока по спине у Дорис не пробежали мурашки. Не желая демонстрировать этому типу свою нервозность, она гордо вскинула подбородок, глядя в сторону. Кто ты вообще такой, черт возьми, чтобы замечать тебя? – подумала она. Внутренний голос тут же ответил, что этот самоуверенный тип прекрасно знает себе цену и, вероятно, не раз добивался успеха своей бесцеремонностью.

Из лифта Дорис вылетела как ошпаренная. Сердце у нее отчаянно колотилось. Отругав себя за столь нелепый и неуместный приступ паники, она поправила волосы и прошла в приемную.

– Доброе утро, мисс Адамсон, – приветливо сказала секретарша. – Мистер Адамсон просил вас зайти, как только вы появитесь.

– Спасибо! – кивнула Дорис и прошла по коридору в просторный угловой кабинет, из окон которого открывалась впечатляющая панорама на город и внутреннюю бухту.

– Салют, Фредди! – сказала она, подставила щеку для поцелуя и плюхнулась в мягкое кожаное кресло. – Спасибо, что заставил меня отправить мой «форд» в ремонт. Без тебя я бы еще сто лет собиралась. Твоего монстра я припарковала на обычном месте.

– Монстра? – с драматическим возмущением взметнул брови Фред.

На губах Дорис заиграла ироничная улыбка.

– Прошу прощения, – поправилась она, вспомнив, что для брата, тяготевшего к добропорядочности и умеренности, дорогая модель автомобиля была едва ли единственной уступкой общественным предрассудкам, согласно которым один из ведущих адвокатов Мельбурна должен вести соответствующий его положению образ жизни. – Я хотела сказать «твою роскошную машину», а вырвалось совсем другое слово.

Фред рассмеялся, Дорис – тоже. Богатство никогда не было для них фетишем. Дети одного из самых крупных в Австралии финансистов, они пошли каждый своим путем и сами, без посторонней поддержки, не используя для своих целей обширные связи и богатство отца, добились в жизни успеха.

– Какие у тебя планы на вечер? – как бы мимоходом спросил Фред, и глаза у Дорис изумленно округлились.

– Ого! – со смехом сказала она. – Любовные дела моего красавца-брата настолько плохи, что он вынужден ухаживать за родной сестрой. Давно ли ты страдаешь от невнимания женского пола?

– Я подумал, что неплохо бы отметить твое избавление от Бена Кроули совместным ужином. – Фред отвечал в том же шутливом тоне, но взгляд его оставался необычно серьезным.

По лицу Дорис пробежала волна смешанных чувств. Да, что ни говори, а расторжение брака – это событие, и отныне она свободна от притязаний со стороны человека, который на правах зятя Теодора Адамсона претендовал на светскую репутацию и солидную долю не принадлежавшего ему состояния.

Бен Кроули! Предел мечтаний любой юной девушки и кошмар ее родственников. Буквально через неделю после возвращения из Англии, где Дорис добрых три года училась как проклятая, она встретила Бена на одной из вечеринок, и ее неудержимо повлекло к этому ослепительному красавцу. Влюбленная по уши, она не заметила сдержанного неодобрения отца, отмахнулась от прямых предостережений со стороны Фредди и после трех месяцев знакомства вышла за Бена замуж. Следовало отдать должное Теодору: он сумел подняться выше личной антипатии к жениху и закатил дочери свадьбу, которая стала сенсацией года.

В первый же день медового месяца на Мальдивах Бен ошеломил молодую жену целой серией абсолютно необоснованных претензий. Квартира подаренная им ее отцом, была, по его мнению, недостаточно роскошной для того образа жизни, который он, Бен, намеревается вести, а отказ Теодора включить новоиспеченного зятя в совет директоров его компании и

нежелание Дорис хоть как-то воздействовать на решение отца были восприняты им как личное оскорбление. После этого горячее желание Бена поскорее обзавестись ребенком показалось Дорис подозрительным. Она заявила, что намерена повременить с детьми год-другой. Бен вышел из себя, и легкая трещинка в их взаимоотношениях в мгновение ока превратилась в непреодолимую пропасть.

Убедившись, что развод неизбежен, незадачливый супруг потребовал выплатить ему более чем внушительную денежную компенсацию, в противном случае угрожал Адамсонам судебным процессом. Так оно и случилось. На суде один из коллег Фреда выступил с блестящей речью, и в результате иск Бена Кроули не был удовлетворен.

Дорис, перенеся этот удар, с головой окунулась в работу манекенщицы и фотомодели. В свои двадцать пять она заслужила репутацию одной из ведущих моделей Мельбурна и нашла в своей профессии панацею от ужаса совместной жизни с Беном. Она отказалась от предложения отца переселиться в его роскошный особняк в пригороде Мельбурна, предпочла снять пентхаус на Олимпик-Пойнт и теперь с верхнего этажа небоскреба могла постоянно любоваться на внутреннюю бухту Мельбурна.

Потеряв всякое доверие к мужчинам, Дорис вообще предпочла хотя бы некоторое время не иметь отношений с ними, и если на каком-то мероприятии требовалось присутствие партнера, она появлялась там в сопровождении отца или брата.

– Итак, вечеринка и есть та важная новость, которую ты хотел сообщить мне при личной встрече? – спросила Дорис.

Брат помолчал, словно подбирая нужные слова.

– Отчасти, – уклончиво ответил он. Глаза сестры чуть округлились – Фредди никогда раньше не говорил с нею недомолвками.

– Дело вот в чем, – наконец заговорил он. – Твой бывший супруг откуда-то пронюхал про наши весьма деликатные переговоры с японским консорциумом о совместном финансировании строительства туристского комплекса на Песчаном Берегу в Кингстоне.

– Но какое дело Бену до этих переговоров? – удивленно спросила Дорис.

– Он снова потребовал от нас денег.

– На каком основании? – возмутилась Дорис.

Фред немного помолчал.

– Он пригрозил нам газетной шумихой и публичным скандалом. Пусть, мол, австралийцы узнают, как семейство Адамсонов выбросило новоиспеченного родственника на улицу без гроша в кармане. То, что он с самого начала нацеливался на деньги нашего отца и сделал тебя заложницей в своей грязной игре, никого интересовать не будет. Прессе нужен лишь повод, чтобы начать крестовый поход против богачей Адамсонов. К тому же если при этом всплывет информация о конфиденциальных переговорах Теодора с японцами, газеты поднимут настоящий вой о продаже национальных интересов.

Дорис не надо было разъяснять, на что способна желтая пресса: во время бракоразводного процесса она в полной мере испытала на себе, что это значит – оказаться в центре внимания газетчиков.

– А что, японцы тоже чувствительны к газетным скандалам? – сухо спросила она.

– К сожалению, да, – ответил Фред. – Они намерены строить комплекс независимо от того, кто будет главным пайщиком в деле. Конкуренция очень жесткая, и внезапный скандал может отразиться на выборе ими партнера.

– Итак, счет в банке в обмен за молчание, – подытожила Дорис. – Не мытьем так катаньем Бен Кроули решил добиться заветной цели.

– К сожалению, это еще не все, – проронил Фред. – Наш отец не в курсе намерений Бена. И с твоей помощью я бы хотел и дальше держать отца в неведении.

В глазах Дорис запрыгали гневные серебристые искорки.

– Бен не из тех, кто останавливается на малом, – пылко бросила она. – Сунь ему палец, он руку откусит. Нет, я не позволю, чтобы ты или отец стали заложниками в его грязной игре.

– Теодор придает большое значение сделке с японцами. – Фред неопределенно пожал плечами. – Сам по себе ее неуспех – вовсе не трагедия. Существуют и другие сферы приложения капитала. Но здесь речь идет о большом прорыве вперед, и время решает все. Поскольку на карту, помимо прочего, поставлено здоровье отца, надо по мере сил постараться оградить его от ненужных волнений и стрессов.

– Отец нездоров? – охрипшим от волнения голосом спросила Дорис. – Что с ним? И почему ты ничего не говорил раньше?

– Сердце. Мы ждали результатов обследования, – уклончиво ответил Фред. – Между тем дело оказалось очень и очень серьезным, и на начало января намечена операция. Теодор настоял на небольшой отсрочке. Он надеется к этому времени благополучно завершить переговоры с японцами. Разумеется, ему поставили строжайшее условие – никаких потрясений, никаких переживаний.

Фред остановился и, отвернувшись от окна, строго посмотрел на сестру.

– Теперь ты понимаешь, чем может обернуться для отца шантаж, затеянный Беном?

Дорис сидела как оглушенная. Ее неукротимо жизнерадостный, энергичный, цветущий отец ложится на операционный стол! Этот факт не укладывался в голове.

– Насколько опасна операция? – спросила она глухо.

– Сама по себе операция не слишком сложная, – слегка успокоил ее брат, – да и проводить ее будет лучший хирург Мельбуерна. Сейчас бояться надо Бена Кроули.

Дорис подняла на брата невидящие глаза. Этот мерзавец, этот ублюдок Бен уже разрушил ее жизнь, а теперь посягает на здоровье самого родного и близкого ей человека – отца.

– И что же ты придумал? – спросила она. – Ведь ты уже явно что-то придумал?

– Надо превратить прессу из нашего врага в нашего союзника, – с лукавой усмешкой произнес Фред. – Откровения твоего экс-супруга не вызовут у газетчиков никакого интереса, если еще раньше станет известно, что у тебя в разгаре роман с каким-нибудь богатым и известным человеком. Твой отставной супруг покажется смешным на фоне нового блестящего претендента на твою руку. Разумеется, публика должна поверить в достоверность этой инсценировки. Так что держись, девочка!

Словно предупреждая ее скептическую реплику, он поднял руку.

– К сожалению, иного способа нейтрализовать Бена я не вижу.

– Поскольку женихов на данный момент я не держу, кого ты собираешься предложить мне на эту роль? – поинтересовалась Дорис, задумалась на мгновение, и вдруг у нее вырвалось категорическое и безнадежное: – Нет, ничего не получится!

– А что ты можешь предложить взамен? – спросил Фред. – Ничего. А так я взял бы на себя Кроули и под предлогом изучения его требований мог бы обеспечить неделю или две отсрочки.

– А кто жених, Фредди? Кого ты прочишь мне в кавалеры? И что он потребует за услугу? – с горечью в голосе спросила Дорис.

– Его зовут Рикардо Феррери. И он ничего не просит за свою услугу.

– Свежо предание, да верится с трудом, – скептически покачала головой Дорис. – Бесплатный сыр, как известно, бывает только в мышеловках.

– Рикардо – не случайная кандидатура, – пояснил Фред. – Теодор и братья Феррери не раз участвовали в совместных финансовых проектах, и теперь, когда твой развод с Беном Кроули стал реальностью, роман мисс Адамсон с мистером Феррери покажется весьма пикантным. Не сомневаюсь, журналисты немедленно откроют, что ты и Рикардо втайне встречались и в прошлом, и теперь ваши отношения обрели второе дыхание и движутся навстречу блестящему браку.

– Братя Феррери в курсе твоего плана?

– Да.

– А Бен не заподозрит, что мы его водим за нос?

– Я постараюсь убедить его, что перед лицом твоего выгодного брака с Рикардо Феррери мы готовы пойти на определенные уступки. Я затею переговоры и потребую, чтобы твой бывший супруг подписал документ об отказе от каких бы то ни было финансовых притязаний в обмен на выплату энной суммы с нашей стороны.

– Ты все-таки собираешься ему заплатить? – вскинулась Дорис.

– Символическую сумму, сопоставимую с продолжительностью вашей семейной жизни. – Красивое лицо брата стало надменным и злым. – Если приплюсовать к ней стоимость автомобиля и мебели, увезенных им из вашего дома, цена будет вполне приличная. Фред взглянул на бледное лицо сестры, и голос его смягчился:– Всего лишь месяц, девочка, может быть два, не больше!

Согласись, это не столь уж большая жертва, если речь идет о здоровье отца.

Дорис молчала, разрываемая противоречивыми чувствами. На душе ее скребли кошки от мысли, что придется разыгрывать этот отвратительный фарс, но не прийти на помощь отцу и брату, так много помогавшим ей за последние два года, она не могла.

– Разумеется, я согласна, – сказала она тихо.

Глаза Фреда удовлетворенно блеснули.

– В таком случае, – сказал он, – я сейчас же свяжусь с Рикардо и вечером представлю его тебе.

Так быстро? – чуть было не спросила Дорис, но прикусила язык. И в самом деле, к чему откладывать?..

Фред ободряюще коснулся ее руки.

– В шесть тридцать я за тобой заеду.

Дорис рассеянно кивнула: она уже прикидывала, какое из модельных платьев, в изобилии представленных в ее гардеробе, выбрать на вечер.

– Мне нужно произвести впечатление?

– Ты и без того всегда ослепительна.

– Ты известный льстец, – усмехнулась Дорис. Поглядев на часы, она встала и достала из сумки связку ключей. – Спасибо за «феррари». Благодаря ему я сегодня чуть было не познакомилась с одним уникальным нахалом.

Фред принял ключи и вытащил из ящика стола точно такую же связку.

– А это от твоего «форда». Найдешь его на третьем уровне прямо возле лифта.

– Дай мне счет.

Фред невозмутимо вытащил из стола подробно расписанный счет за ремонт машины. Дорис быстро переписала итоговую сумму в чек и поставила в конце размашистую подпись.

Подхватив ключи, она побежала к двери.

– В одиннадцать демонстрация моделей, – пояснила она. – Если я опоздаю, Жискара хватит удар.

При первом же повороте ключа мотор спортивного «форда» ожил, и Дорис, выбравшись с автостоянки, рванула в сторону западного предместья.

Сегодняшняя демонстрация моделей одежды носила благотворительный характер и, по словам Жискара, была одним из самых примечательных событий в деятельности благотворительных организаций города. Проводилась она по традиции в ресторане, владелец которого бесплатно предоставлял зал и за свой счет накрывал стол почти на сто приглашенных.

Припарковать машину не составило труда, и Дорис, захлопнув дверцу и включив сигнализацию, торопливо зашагала в сторону тротуара. Еще издали она увидела вывеску ресторана и по широкой, извивающейся лестнице поднялась к главному входу, где красивая, эле-

гантно одетая женщина – управляющая рестораном – поприветствовала гостью и пояснила, как пройти к импровизированной комнате для переодевания.

– Дорис, ты опоздала! – громогласно возвестил мужской голос, едва она вошла в тесное помещение.

– Меньше чем на минуту, – возразила она, быстро взглянув на наручные часы, и тут же начала раздеваться. – Выход же вообще через полчаса.

– А прическа? А макияж? Предупреждаю, это твоё первое и последнее опоздание.

В одиннадцать тридцать начиналась демонстрация авторских моделей, далее предполагается ленч с торжественными речами и вручением приза зрительских симпатий наиболее приглянувшейся модели.

Работать, к счастью, приходилось в зале, оснащённом мощными кондиционерами. Дорис оценила это часом позже, когда сорвала с себя очередной элегантный костюм и принялась надевать великолепное вечернее платье – последнее в сегодняшней коллекции. Вчера было не в пример хуже: жгучее солнце приморского пляжа, раскаленный песок под ногами, воделенные взгляды и бесцеремонные возгласы отдохавших на пляже мужчин. Что делать! Профессия модели не из легких и подчас не имеет ничего общего с традиционно-парадным представлением о ней.

По условному сигналу Дорис вышла на импровизированный подиум: серо-стальные глаза широко распахнуты, вся – достоинство и грация. Выполнив серию отработанных грациозных движений, она на прощание повернулась к зрителям, исполнила последний поворот и проскользнула за занавес.

– Владелец ресторана накрыл для всех отдельный стол, – • сообщил Жискар, зачехляя последнее платье. – Надеюсь, все останутся?

Три манекенщицы пожелали остаться, отказалась одна Дорис.

– И рада бы, да не могу. Через полчаса меня свидание с дантистом Жискар с темпераментом истинного француза развел руками: дескать, его дело – предложить.

– Завтра в три, – погрозил он пальцем, и Дорис торопливо закивала головой. Бросив последний взгляд в зеркало, она подхватила сумку и крикнула:

– Бегу, иначе опоздаю.

Она пронеслась между столиком и со всего размаху врезалась в крепкую мускулистую фигуру. Потеряв равновесие, Дорис ухватилась за рукав незнакомца, потом выпрямилась и хотела было извиниться, но слова застряли в горле. Перед ней стоял неотразимый нахал из зеленого «феррари».

Дорис впервые столкнулась с ним нос к носу, и ей бросились в глаза насмешливые морщинки возле глаз. Еще от него исходило прямо-таки звериное ощущение силы – спокойной, но оттого лишь более опасной. В глубине его глаз Дорис прочитала веселость, граничащую с издевкой, и только теперь поняла, что по-прежнему держится за его руку.

Отдернув ладонь, словно прикоснувшись к раскаленной плите, Дорис пробормотала слова извинения и попыталась обойти его.

– Как? Вы не останетесь на ленч? – остановил он ее. По легкому акценту в нем можно было угадать иностранца, а голос... От звуков этого голоса по телу Дорис пробежали мурашки.

– Нет.

Лицо его осталось непроницаемым, и, всматриваясь в бездонные черные глаза напротив, она подумала, что эти глаза способны пленить самое неприступное женское сердце.

Только не мое! – спохватилась она. Уж кто– кто, а я знаю цену подобным взглядам.

Мужчина с преувеличенной покорностью кивнул, как бы склоняясь перед ее выбором, и Дорис, не оглядываясь, побежала дальше.

Было уже около пяти, когда Дорис, нагруженная разноцветными пакетами с рождественскими подарками для отца, Фреда и себя самой, вошла в свою роскошную квартиру на Олим-

пик-Пойнт. Со вздохом облегчения она опустила на диван покупки, сбросила с ног туфли на каблуках и босиком прошлепала на кухню. Там она налила себе бокал апельсинового сока, прошла с ним в холл и упала в одно из мягких бархатных кресел.

За плечами остался сумасбродный, полный самых неожиданных сюрпризов день, и Дорис нужно было хотя бы десять минут, чтобы хорошенько расслабиться и все обдумать.

Предстоящее знакомство с Рикардо Феррери несколько пугало ее. Никогда раньше она не участвовала в каких авантюрах, а теперь предстояло принять участие в аванюре чистой воды.

Но выбора не было, и на протяжении нескольких недель ей предстояло терпеть общество совершенно постороннего мужчины, принимать его ухаживания, изображать влюбленность, причем так, чтобы окружающие поверили в их роман.

Дорис обреченно вздохнула. Потом, потянувшись, она прошла в спальню, разделась и приняла душ.

Точно в назначенное время она была готова, пепельные волосы стянуты в конский хвост, несколько прядей небрежно спадают на виски, из всей косметики – лишь слегка подведенные глаза да губы, подкрашенные бледно-розовой помадой. Из своих многочисленных нарядов она выбрала черное бархатное платье: лиф обшит рюшами, юбка облегает бедра и все это – в сочетании с меховой накидкой, небрежно наброшенной на плечи, и черными на шпильках туфлями от Шенье.

– Великолепно, – только и смог сказать Фред, когда она на его звонок открыла входную дверь.

– Спасибо, Фредди, – усмехнулась Дорис, идя впереди брата в гостиную. – Выпить чего-нибудь хочешь?

– Я обещал Феррери, что мы приедем в семь.

– Тогда нам лучше не задерживаться.

В западной части города располагались первоклассные рестораны, где можно было не только отменно поесть, но и славно провести вечер на любой вкус, и когда они направились туда, Дорис восприняла это как само собой разумеющееся. Впервые она встревожилась, когда Фред остановил машину перед уже знакомой ей извилистой лестницей.

– Фредди, ты не ошибся? Не далее как сегодня утром я была здесь на показе мод!

– Вполне возможно. Рикардо известен своей благотворительной деятельностью.

В голове Дорис мелькнула догадка:

Подожди! Выходит, Рикардо Феррери и есть владелец этого ресторана?

Лучше сказать совладелец, поскольку ресторан – собственность семьи Феррери, – уточнил Фред. – После смерти отца Рикардо отошла лишь часть акций.

– Откуда ты все знаешь?

– Забыла? Я же дружил в университете с Габриэлем Феррери, так что я в курсе их дел.

Образ жгучего итальянца всплыл в памяти Дорис.

– Припоминаю, – сказала она. – Ты как-то говорил, что Габриэль женился.

– Уже давно.

– Тогда его жена потрясающая женщина.

– А ты почему знаешь?

– Все очень просто. Габриэль – один из самых красивых мужчин, которых мне пришлось когда-либо видеть, и если женщине удалось женить его на себе, значит, она кое-чего стоит.

– Сильвия – сама прелесть! – с несвойственной ему восторженностью признался Фред. – Она работает здесь управляющей. Мы к мистеру Феррери.

– Вы мистер Адамсон? – широко и почтительно улыбнулась женщина. – Мистер Феррери распорядился немедленно известить его о вашем прибытии. Пройдемте, я покажу ваш столик. Мистер Феррери присоединится к вам через пять минут.

– Ты здесь прямо как свой, – нервно пошутила Дорис, когда они уселись за стол.

– Я вхож в семью Феррери уже десять лет, – пожал плечами Фред. – Я помню даже, как Габриэль, нынешняя восходящая звезда нашей политики, в перерыве между семестрами обслуживал клиентов в этом ресторане. Это было еще при жизни их отца.

– Странно. О Габриэле я много слышала и несколько раз видела его, а вот про то, что у него есть брат, даже и не подозревала.

Фред откинулся в кресле и сложил кончики пальцев перед собой – привычка юриста, тщательно отбирающего слова для единственно правильной формулировки. Интересно, – подумала Дорис, – видит ли он себя сейчас со стороны? И вообще, почему он так серьезен, когда речь идет всего лишь о розыгрыше?

– Дело, вероятно, в том, – протянул Фред, – что Габриэль двинул в большую политику, а при этом роде деятельности человек всегда на виду.

– А Рикардо ушел в монахи и ему ничего этого не нужно?

– Отнюдь! – прозвучал за спиной низкий и очень знакомый голос с еле уловимым акцентом. – Я не только не монах, но рьяный поклонник прекрасной половины человечества.

Дорис остолбенела. Еще до того, как повернуть голову, она знала, что самые худшие ее подозрения оправдались.

Рикардо Феррери и утренний нахальный красавчик оказался одним и тем же человеком.

Фред представил Дорис и Рикардо друг другу. – Итак, вы и есть мистер Феррери? – с саркастической улыбкой спросила Дорис.

– Просто Рикардо, или Рик, если не возражаете, – сказал он, несколько долгих секунд не сводя с нее искрящихся черных глаз. Затем повернулся к другому собеседнику. – Чертовски рад видеть тебя, Фред.

Появился официант. Почтительно изогнувшись, он выслушал указания хозяина и удалился. Дорис тем временем сидела совершенно недвижимо, чувствуя себя не в своей тарелке. В самом кошмарном сне ей не могло привидеться, что однажды она должна будет разыгрывать любовный роман с таким самодовольным сердцеедом, каким наверняка является Рикардо Феррери. Она убежала бы, не медля ни секунды, если бы... Если бы не чувство долга, подумала она и принялась изучать меню, сквозь полуопущенные густые ресницы рассматривая украдкой сидящего напротив мужчину.

Рикардо было примерно лет тридцать пять, и являл он собой сплав разительной мужественности и безжалостного расчета. Ну и семейка! – подумала Дорис, припомнив другого зловеще красивого итальянца – Габриэля Феррери!

Меню оказалось на редкость разнообразным и изысканным, но она выбрала самые заурядные блюда – куриный бульон, салат и бифштекс с кровью.

– Неужели вы не попробуете чего-нибудь национального, итальянского? – Рикардо улыбался приветливо и ободряюще, но за его доброжелательностью ей виделась скрытая усмешка, и Дорис напряглась еще больше.

– Спасибо, я не голодна, – сухо ответила она.

– Ну, значит, в следующий раз...

Дорис чуть не бросила ему в лицо, что следующего раза не будет, но спохватилась, вспомнив о цели сегодняшней встречи. Она пригубила бокал вина, рассеянно водя пальцем по узору скатерти.

Ну что ж, мистер Феррери! – подумала она. Вы думаете шутки со мной шутить? Теперь держитесь!

– Не перейти ли нам к обсуждению деталей нашего... контракта? – с ноткой глумления в голосе заметила она.

– О-о! – прищурил глаза Рикардо. – Вы принесли с собой проект контракта?

– Разумеется, – насмешливо отозвалась Дорис. – Как и кредитную карточку, я постоянно ношу его с собой.

– Ладно, – откинулся в кресле Феррери. – О деле так о деле. У меня с собой два билета в оперу. Завтрашнее число, вечер.

Дорис отрицательно помотала головой.

– Завтра днем у меня фотосъемки...

– ...которые когда-то должны кончиться. Во сколько вы освободитесь?

– Часов в пять-шесть, – неопределенно пожала плечами Дорис. – А может быть, и позже. Алан, наш фотограф, фанатик своего дела. Он будет снимать, забыв про время, пока не получит задуманное.

– Выходит, совместный ужин исключается. Жаль! Тогда я буду ждать вас у театра в семь тридцать.

– На вечер у меня свои планы, – отрезала Дорис, не обращая внимания на протестующий возглас брата.

– А что за планы, если не секрет? – не сдавался Рикардо, по-прежнему излучая оптимизм.

Дорис демонстративно широким жестом вытащила из сумочки записную книжку, пролистав ее и во всеулышание объявила:

– Коктейль у Пегги, семь часов. – Она захлопнула книжку и с торжествующей улыбкой посмотрела на Рикардо. – Сожалею. С оперой ничего не выйдет. – Сообразив, что она ведет себя чересчур уж неприлично, Дорис поспешила добавить: – Ведь вас не устроит, если я пропущу первый акт и появлюсь во втором.

– Я, со своей стороны, тоже готов пожертвовать первым актом, – невозмутимо произнес Рикардо. – Мне подождать вас у входа?

– Я не могу принять такую жертву с вашей стороны, – любезно отозвалась Дорис. – Дайте мне мой билет, и я сама найду вас в театре.

– А почему тебе не отменить встречу с Пегги? – не вытерпел Фред.

– О таких визитах договариваются недели за две, а то и за три, – невинно объяснила Дорис. – Если я не навещу Пегги под Рождество, она на меня до смерти обидится. Кроме того, – в голосе у нее против воли прорезалась горечь, – коль скоро мы отдаем себя на растерзание газетчикам, я хотела хотя бы завтрашний вечер провести так, как это хочется мне.

– Между прочим, – хмуро напомнил ей Фред, – Рикардо ничего не обязан делать и помогает нам исключительно из любезности.

– Боюсь, что есть причины более материальные, – со сладчайшей улыбкой откликнулась Дорис. – Как люди, имеющие отношение к сделке с японцами, братья Феррери также заинтересованы в успехе нашей игры. В жизни не поверю, что мистер Феррери... что Рикардо будет тратить свое драгоценное время на сомнительные инсценировки. Разве что из скуки... Что скажете, Рикардо?

– На что я не жалею в этой жизни, так это на скуку, – с любезным наклоном головы ответил Рикардо.

– Тогда я не понимаю, что заставляет вас бросаться на съедение журналистской братии. Может быть, у вас проблемы... скажем так, с досугом?

– У меня нет проблем с досугом, – с легкой усмешкой ответил Феррери. – Но вы молодая и красивая женщина, и ухаживать за вами в течение месяца мне совсем не в тягость. Скорее наоборот.

Появился официант и принес заказ. Дорис ела мало – аппетит у нее был испорчен. Чуть подняло настроение отличное вино, но она по обыкновению ограничилась одним бокалом, заказав минеральную воду.

В десять Фред объявил, что пора идти.

– Ваш билет в оперу, – учтиво произнес Рикардо и вынул из внутреннего кармана конверт.

Осторожно, чтобы не соприкоснуться пальцами, Дорис взяла у него из рук билет. Веселый блеск в пронизательных глазах Рикардо разозлил ее.

– Мне очень жаль, но я не знаю, во сколько точно смогу приехать, – мстительно сказала она и подумала, что, пожалуй, не будет спешить с вечеринки.

– Постарайтесь появиться до начала заключительного акта, – сказал Рикардо. – И приезжайте на такси. Из театра я повезу вас на своей машине.

Дорис вспомнила зеленый «фerrари», и ресницы ее затрепетали.

– А это обязательно? – робко спросила она.

– Да, если, конечно, мы намерены привлечь к нашим персонам внимание светских хроникеров. Кто поверит в наш пылкий роман, если из оперы мы разъедемся каждый на своей машине.

Дорис стало не по себе – только сейчас до нее начала доходить изнанка этого невинного на первый взгляд розыгрыша. Но она не желала выказывать свое смятение в присутствии Рикардо, а потому вздернула подбородок и лучезарно улыбнулась.

– До встречи, мистер Феррери!..

– Знаешь, милая, – пробурчал Фред, когда они вышли из ресторана, – такого хамства я от тебя не ожидал!..

– Можешь не продолжать, – устало оборвала она его. – Я все поняла. Будем считать, что я просто вживалась в образ.

– Я тебя вовсе не осуждаю, – уже мягче сказал Фред. – Ты пережила личную драму и потеряла доверие к мужчинам. Но насчет Рикардо можешь не беспокоиться: с ним у тебя не будет никаких осложнений.

Ой ли, Фредди? – скептически подумала она. Как раз с такими, как твой хваленый Рикардо, хлопот-то и не оберешься. Дорис размышляла: сказать или не сказать брату, что уже два раза сегодня сталкивалась с его протее, и решила не говорить. В гробовом молчании они доехали до ее дома. Фред прервал молчание:

– Позвони мне в среду. Теодор приглашал нас на ужин. Он хочет почаще видеть нас перед операцией. Прихвати с собой и Рикардо. Отец будет рад его увидеть.

Дорис почувствовала, что она в ловушке.

– Понятно, – сказала она мрачно. – Спокойной ночи, Фред!

– Спокойной ночи, Дорис!

– Дорогая, побудь с нами еще немного!

В глазах собеседницы читались скука и апатия, но просьба звучала искренне. Вечер получился на редкость пустой, и если бы не желание досадить этому Феррери, Дорис ушла бы гораздо раньше. Потянув время, она решила, что этого достаточно, и объявила, что должна идти.

Надо попрощаться с Пегги, подумала она и двинулась к стайке из трех женщин, оживленно беседовавших возле двери.

Поцелуи, прощальные объятия, пожелания счастливого Рождества – и Дорис была свободна.

На улице ее ждало такси.

– Оперный театр, – бросила она шоферу, усаживаясь на сиденье, и вытащила из конверта билет – посмотреть, что за спектакль дают сегодня вечером. Оказалось «Мадам Баттерфляй».

Итак, трагическая история обманутой любви. Повод поразмышлять о своих собственных разочарованиях в этой жизни. Что это – причудливый случай или тонкий намек со стороны Рикардо?

Через полчаса служащий театра провел ее в центральную ложу. Шепотом извиняясь, Дорис прошла к своему месту и опустилась в кресло.

Почти тут же чьи-то сильные пальцы сжали ее запястье.

– Сзади нас сидит Аделаида Брайтон, – шепнул на ухо Рикардо.

Дорис чуть не застонала от досады. Ну почему именно сегодня одной из самых влиятельных светских сплетниц вздумалось выйти в оперу? А всем известно, что лучше войти в клетку ко льву, чем попасть на язычок миссис Брайтон.

– Удивительное везение, – скорчила Дорис капризную гримаску. Больше всего ее раздражало, что сейчас она не могла выдернуть руку из цепких пальцев этого ловеласа.

– Нам следует улыбаться друг другу, – с еле уловимой насмешкой напомнил Рикардо. – Вот– вот упадет занавес и зажгут свет.

Загремели аплодисменты, зал озарился огнем хрустальных люстр, но еще с минуту Дорис сидела не шевелясь.

– Останемся здесь? – мягко спросил Рикардо.

Дорис стряхнула оцепенение и неуверенно улыбнулась.

– Попробуем выйти в фойе, – сказала она, украдкой удостоверившись, что миссис Брайтон уже ушла.

В конце концов это лучше, чем сидеть у всех на виду, подумала она. А если встретить кого–нибудь из знакомых, можно хотя бы на несколько минут отвести душу и не общаться с этим бесцеремонным итальянцем.

Феррери галантно повел Дорис к выходу из зала. По фойе уже расхаживали мужчины в черных костюмах и женщины в вечерних туалетах. Сама Дорис была в облегающем платье из красного бархата, выгодно подчеркивавшем плавные изгибы ее точеной фигурки; два черепаховых гребня поддерживали собранные в пучок волосы, а из украшений на ней были золотая цепочка и красные клипсы.

– Что-нибудь выпить хочешь? – спросил Рикардо.

– Джин с тоником.

– Со льдом или без?

– Со льдом, разумеется.

Рикардо тут же поймал официанта с подносом и взял для Дорис бокал. Он был сама галантность и уверенность – без кичливости и хамства. Он просто чувствовал себя хозяином жизни, и это сразу же производило выгодное впечатление.

Да, женщины от него, наверное, без ума, со вздохом подумала Дорис. Но со мной у него ничего не получится!

– Как прошла вечеринка? – небрежно спросил Рикардо, выводя ее из раздумий.

– Как нельзя лучше, – с усмешкой ответила она. – Теперь, вероятно, мне полагается поинтересоваться, как вы провели свой день?

– Наш день, – дружелюбно уточнил Рикардо. – Мы же с тобой влюбленные... Разумеется, если тебе это хотя бы чуть-чуть интересно, я отвечу.

– Я так мало знаю про... тебя, – неохотно призналась Дорис и вздрогнула, потому что он снова поймал ее ладонь. Она хотела возмутиться и вырвать руку, но вовремя сдержалась. Ну, конечно, они же влюбленные!..

– Рикардо, ты ли это? – раздался сзади шелестящий женский голос. – Как я рада видеть тебя! Ты будешь сегодня в клубе?

Дорис обернулась. На нее с интересом смотрела красивая брюнетка в безупречно изысканном платье из черного шелка – судя по стилю, это была работа одного из самых модных кутюрье Австралии.

– Ба, Ирен! – приподнял брови Рикардо. – Ты не знакома с Дорис Адамсон?

– Ирен! – жеманно кивнула брюнетка. – Вы знаете, мисс Адамсон, где-то я уже видела ваше лицо, но где, не могу припомнить.

– Твоя память тебя не подвела, Ирен, – улыбнулся Рикардо и прижался губами к руке Дорис. – Ты могла видеть это лицо в журналах мод.

Ирен передернула плечом, и глаза ее забегали.

– Адамсон... Адамсон... Скажите, моя дорогая Дорис, вы имеете какое-нибудь отношение к Теодору Адамсону?

Большая игра началась.

– Имею, – сладко улыбнувшись, сообщила Дорис. – Я его дочь.

Красивое лицо женщины на мгновение дрогнуло.

– Боже! – просияла она. – Как же я сразу вас не признала. История вашего замужества с последующим разводом наделала столько шуму в прессе!

За последнее время Дорис не раз имела дело с подобными стервами вроде этой Ирен и научилась легко расправляться с ними.

– А мне казалось, – простодушно заявила она, – что подобные истории в прессе интересуют лишь неудачников, у которых не сложилась их собственная личная жизнь.

Губы Ирен злобно перекозились, но тут же сложились в медовую улыбку.

– Но это и впрямую было удивительно, – прошелестела она. – Свадьба, а через неделю – бракоразводный процесс.

Дорис равнодушно помолчала, глядя в сторону, и собеседнице пришлось продолжить самой:

– Представляю, как тяжело вам пришлось, – с наигранным сочувствием сказала она.

Дорис поднесла к губам бокал и повернулась к Рикардо.

– Не пора ли нам вернуться в ложу, дорогой? – спросила она. – Твоя подруга меня утомила.

Феррери виновато развел руками – дескать, извини, Ирен, но слово моей дамы – закон – и поволок Дорис в сторону зрительного зала.

– Отпусти руку, – прошипела Дорис через пару шагов.

– Улыбайся, дорогая, – пропел Рикардо. – Нам нужна сенсация, а не скандал. Еще две подобные встречи, и ты распугаешь всех моих знакомых.

– Отпусти меня, черт возьми! Не надо меня волочить, как куль с мукой!

К счастью, свет в зале уже погас, и соседи по ложе не могли видеть ее раскрасневшегося лица и горящих от бешенства глаз.

Они сели в кресла. Рикардо по-прежнему держал ее за руку.

– Тебе не совестно? – прошипела Дорис ему на ухо так, чтобы соседи не услышали.

– Разумеется, нет, дорогая, – прошептал он.

Поднялся занавес, зал разразился аплодисментами, и только это спасло Рикардо от пощечины.

Опера продолжалась, и ее драматический финал, поставивший точку на трагической любви японской девушки к офицеру американских ВМС, был спет с блеском. У Дорис чуть слезы из глаз не брызнули. Волшебная и страшная сила искусства вновь воскресила в памяти страницы ее отношений с Беном: пылкая влюбленность – непонимание – крушение всех надежд.

Ну и вечерок, подумала Дорис. Только зареветь мне еще не хватало!

В фойе дежурили неугомонные репортеры и, как ни пыталась Дорис незаметно проскользнуть мимо, ничего не вышло. Перед ней с камерой на плече вырос телеоператор, а басовитый журналист подставил микрофон и пытался задать мисс Адамсон вопрос.

Феррери отстранил ее и принял огонь на себя. Все, что оставалось Дорис, – поддакивать и улыбаться в нужном месте, а Рикардо шутил, делал двусмысленные намеки, и глаза у репортера с каждой минутой расширялись все больше.

Только в машине Дорис смогла слегка расслабиться, но от ее безмятежности не осталось и следа, когда она обнаружила, что они едут вовсе не в направлении ее дома.

– Куда мы едем?

– В ночной клуб.

– Но мы об этом не договаривались, – возмутилась Дорис, – и вообще я хочу домой.

Рикардо бегло взглянул на нее и снова сосредоточил свое внимание на дороге.

– Нам нужно внимание прессы или нет? Если я что-то не так понимаю, поправь меня.

– Но, может быть, для начала хватит театра? – робко спросила Дорис. Рикардо промолчал, и она надулась.

Из машины она вышла надменная и недоступная.

– Полчаса! – сообщила она, когда он взял ее под локоть. – Полчаса – и ни минутой больше, иначе я возьму такси.

Посмотрим, подумала она, долго ли я смогу изображать из себя последнюю стерву.

Клуб был переполнен. Кто-то пришел сюда, чтобы потанцевать, кто-то – продемонстрировать новый наряд или получить поздравления с очередным коммерческим успехом.

– Выпить что-нибудь хочешь? – спросил Рикардо.

Дорис куснула губу, озираясь по сторонам.

– А что, я похожа на пьяницу? – огрызнулась она.

– Ты, – шелковым голосом сообщил Рикардо, – похожа на ягненка, брошенного в логово льва.

Заиграла музыка. Джазовый оркестр, следовало отдать ему должное, был выше всяких похвал, но Дорис продолжала стоять на месте, отыскивая кого-нибудь из знакомых.

– Рик! Это ты? Ирен сказала, что ты собирался зайти, но я, признаться, решила, что она, как всегда, разыгрывает меня.

Дорис, повернувшись, столкнулась лицом к лицу с миловидной блондинкой.

– Привет, Джуди, – весело отозвался Рикардо. – А это моя Дорис!

Дорис вздрогнула, почувствовав его руку на своей талии, но выдавила из себя любезную улыбку.

– Есть ли в Мельбурне хоть одна женщина, которую ты пропустил? – язвительно спросила она, когда Джуди, бросив пару ничего не значащих фраз, отошла в сторону, явно недовольная.

– Никогда об этом не задумывался. Потанцуем?

Боже, до чего же он невыносим! – с отвращением подумала Дорис.

– А я могу отказаться?

– Если тебе безразлична судьба сделки с японцами и здоровье отца...

– Не продолжай. Я все поняла! Рикардо улыбнулся и повел ее в центр зала.

Танцуя, он откровенно-интимно прижимался к ней, гладил ее спину. Дорис было не по себе, ей хотелось вырваться и куда-нибудь убежать. Терпи! – приказывала она себе. Ведь ты же в него влюблена – в этого циника и наглеца.

От циника и наглеца, между прочим, пахло весьма приятно. Прохладно-ясный аромат одеколона, смешавшись с еле различимым запахом чистого мужского тела, понемногу вскружил голову, и Дорис вдруг обнаружила, что ей хочется прильнуть к своему партнеру.

Казалось, от него исходила неведомая магнетическая сила, но когда губы Рикардо как бы невзначай коснулись мочки уха, Дорис невольно вздрогнула. Ее вдруг пронзило ощущение, что все это уже было и финал... финал слишком хорошо известен.

Полчаса они танцевали, подходили к столикам, чтобы перекинуться приветствиями со знакомыми. Она даже привыкла к тому, что Рикардо держит руку на ее талии, улыбалась, когда он прощался с кем-то из своих приятелей, легко проследовала за ним к выходу.

Но как только они оказались в машине, лицо ее приняло холодное и жесткое выражение. Зеленый «феррари» легко скользил в поредевшем ночном потоке машин в направлении Олимпик–Пойнт, а Дорис ничего не видящими глазами смотрела впереди себя.

Когда они остановились возле ее дома, она собралась уже выйти, но, увидев, что Рикардо заглушил мотор и выдергивает ключи, намереваясь последовать за ней, замерла.

– Извини, но ты-то куда собрался? – удивленно спросила Дорис.

– Должен же я проводить тебя до порога квартиры? Кстати, я не прочь выпить с тобой чашечку кофе и поболтать.

– Еще чего не хватало! – Руки Дорис затряслись, и она, не зная куда их деть, сжала пальцы в кулаки. – Я устала и хочу спать. Рано утром у меня работа в фотостудии, и мне нужно быть в форме.

Рикардо мягко, но решительно взял у нее ключ от парадного подъезда, и не успела Дорис глазом моргнуть, как они уже стояли возле лифта.

– Нас всю дорогу сопровождала какая-то машина, – терпеливо пояснил он. – Судя по всему, какой-то особенно резвый репортеришка увидел в нас свой шанс. – Рикардо нажал на кнопку вызова, и двери бесшумно открылись. – Не можем же мы разочаровать парня? Он тратит на нас свое время и силы, выслеживает каждый наш шаг, и все для того, чтобы увидеть, как кавалер выгружает свою даму и они в ледяном молчании расстаются?

– Но у меня может болеть голова.

– Может или болит? – с усмешкой спросил он.

– Моя головная боль – это ты, Фред и вся эта дурацкая затея, – огрызнулась Дорис.

Они вышли из лифта, и Рикардо выхватил ключи из ее рук и открыл дверь в квартиру.

– Прощу! – сказал он с усмешкой.

Весь накопившийся за день гнев прорвался наружу, и Дорис, вскипев, схватила своего провожатого за лацкан пиджака и оттолкнула от двери.

На лице у итальянца не дрогнула ни одна мышца, но никогда в жизни Дорис не испытывала такого животного страха. Сейчас он меня убьет, подумала она.

– Полегчало? – зловеще тихим голосом спросил Рикардо и затем смерил ее холодным взглядом с головы до ног. – Но впредь, моя радость, советую тебе быть осторожнее на поворотах, – предостерег он ее глухим голосом. – На роль мальчика для порки я не нанимался.

– А я не нанималась терпеть твои тиранические замашки! – растерянно пробормотала Дорис, избегая смотреть ему в глаза.

– Между прочим, я здесь нахожусь в качестве твоего союзника, а не врага, – напомнил Рикардо.

– И на этом основании мне полагается быть податливой дурочкой, ты это хочешь сказать? – язвительно спросила Дорис.

– Я могу понять твое неприятие всех представителей мужского пола, – негромко сказал Рикардо, – но хотел бы все же напомнить, что я не твой бывший супруг и за его проступки не отвечаю.

– Но из этого вовсе не следует, что ты мне должен нравиться!

– Милая моя Дорис, человеческая душа – вообще потемки, а женская – тем более...

Если бы Дорис умела визжать, топтать ногами, царапаться, она бы сделала это сейчас. Но она этого не умела, а кроме того, разок переступив черту дозволенного, не рискнула сделать это во второй раз.

•– Я могу попросить тебя уйти?

– Да. Вот только выпью кофе и сразу уйду. Он переступил порог квартиры и двинулся на кухню. Дорис, побелев от бешенства, бросилась за ним.

– Это мой дом, черт побери! – закричала она. – И я хочу, чтобы духу твоего здесь не было!

Рикардо, казалось, не услышал ее. Он по-хозяйски окинул взглядом просторную, со вкусом оформленную кухню, открыл шкаф, сразу же нашел кофемолку, засыпал туда кофейные зерна; в общем, он чувствовал себя как дома.

– Черт возьми, я с тобой разговариваю или нет? – Она поймала его за руку, и только сейчас поняла, сколько силы в этом мускулистом теле.

– Я все слышу, не надо кричать, – спокойно сказал он, включая горелку.

– Не смей обращаться со мной как с идиоткой!

Рикардо обернулся, и Дорис оказалась неожиданно совсем близко от него. Он поглядел на нее сверху вниз – стройный, широкоплечий, весь – сила и невозмутимость.

– Если женщина ребячится, с ней приходится обращаться как с ребенком, – сообщил он нравоучительно.

– Серьезно? – приторно-сладко спросила она. – Может быть, ты меня накажешь? В угол поставишь или отшлепаешь? – Последние слова прозвучали откровенно провокационно, и Дорис покраснела. – Попробуй только прикоснуться ко мне, – со страхом прошептала она, отступая на шаг, – и я вызову полицию.

Глаза у Рикардо потемнели, как море в грозу, губы сжались в тонкую линию, и прежде чем Дорис успела что-либо сообразить, он рывком притянул ее к себе.

– Только попро...

Губы Рикардо с жадностью впились в ее уста, и угроза осталась недосказанной. Беззвучно застонав, Дорис забилась в его сильных руках, заколотила кулаками по его твердой, как сталь, груди. Она была одновременно и в отчаянии – поскольку в полной мере ощутила свое бессилие и беспомощность перед этим сильным мужчиной, и в смятении – оттого, что поцелуй разбудил в ней так долго дремавшие и, как ей казалось, надолго уснувшие чувства и ощущения.

Прошла минута или две. Рикардо отстранился от нее, и Дорис осталась стоять посреди комнаты с белым, как воск, лицом, с ничего не видящими пустыми глазами.

Если он хотел преподнести ей урок мужского превосходства, то добился цели. Правда, Дорис скорее согласилась бы умереть, чем признаться в этом.

– Если вы сейчас же не уйдете, – медленно произнесла она, – уйду я. В конце концов ночь можно провести и в отеле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.